

Мимесис или метателесность?

1. Числовая символика и брачные отношения

Происхождение числового счёта не решается ни на каком уровне пережитков. Оно так тесно касается абстрактных вещей и в то же время конкретных и так упрятано в представлениях о Вселенной, что искать его надо не то что в архаике, но в очень интимных и плохо исследованных сторонах натурфилософии, антропологии и биоэтики.

В предшествующей публикации «Ночная игра со ставкой на женщину»¹ на своём материале, в основном на кавказском, мы обратились к гипотезе Вяч. Вс. Иванова о том, что на Ближнем Востоке и в Западной Европе счёт на пальцах мог быть регрессией от более абстрактных счётных систем древности. Наш кавказский материал с очень древним, возможно, даже палеолитическим мифом говорит в пользу исходности счёта по пальцам. Речь идёт о языке жестов, когда богиня охоты обещает охотнику добытых зверей в обмен на сексуальные услуги. Она начинает с демонстрации охотнику десяти пальцев. Он качанием головы выражает своё несогласие. Тогда богиня загибает один палец. Мужчина снова отказывается. И так нужно дойти до того момента, когда богиня покажет только один палец. Это значит, что срок их сожителства будет равен одному году.

В пользу палеолитических истоков загибания пальцев можно привести их отпечатки в пещерах Верхних Пиренеев. Они, скорее всего, принадлежали девушкам, проходившим поло-возрастную инициацию². В Африке еще недавно у женщины с каждым новым рождением отсекали фалангу с мизинца и так далее. Смысл палеолитического обряда состоял, очевидно, в том, что созревшая

женщина начинала ритуально от себя отделять первого своего потомка (следы в сказке «Мальчик-с-пальчик»). А вот в хоро-воде в честь убитого медведя у одного сибирского народа люди соединяют свои руки именно мизинцами. Явно, что демонстрируется минимум индивидуального тела в пользу максимума родового. Поэтому и сам «медвежий праздник» несет на себе черты грандиозной Вселенной, которая задействована в интересах совсем маленького человека, сведенного до размеров мизинца. Эта огромная Вселенная, как будет показано ниже, имеет световой характер, и поэтому она видит маленького человека: луч ее видения – это удача человека.

Мотив охотничьего мифа в виде сожительства богини охоты с охотником, кажется, не характерен для сибирского материала (мы можем сослаться разве только на очень редкие сюжеты, когда богиня одаривает дичью охотника в обмен на его любовь).

Зато на сибирском материале мы на сей раз находим дополнительные данные о регрессии от больших чисел к меньшим.

В своей статье Вяч. Вс. Иванов³ обратил внимание на психические механизмы архаического мышления, которому было свойственно опасаться больших чисел. По моему мнению, в этом механизме нуждалось культурное ограничение брачных партнеров и построение сплоченной семьи. В конце концов этот же процесс сказался в торжестве женского вычитания. В книге Иванова «Нечёт и чёт» можно найти красноречивые примеры «вычитательного способа обозначения». Примеры относятся к бантоидным пастухам Африки, австралийским охотникам-собирателям, к древнейшим земледельцам Египта, которые считали от десяти к единице⁴.

В подобных системах я вижу интенцию нисхождения от космического уровня к сексуально-брачной подоснове. Поэтому на лицо десакрализация счета, сведение его к нуминозно значимому.

2. Числовая символика и космогенез

Теперь нам нужно рассмотреть системы космического счёта у автохтонных народов Сибири. У них числа, возникшие в глубочайшей древности, всегда наполнены важнейшими жизненными смыслами, которые неравномерно распределены в числовом ряду.

Наибольшее число *девятку* (десять минус один) мы находим в фольклоре саха (якутов). У саха небесный девятирогий олень несёт на своих рогах солнце. Отметим, что римская девятка, где единица стоит слева от десятки, является последней из так называемого субтрактивного написания чисел⁵. Несомненно, что миф саха связан с мифом о китайском убийце солнц по имени И. Девятка знаменует неустойчивость космоса.

Восьмилучевые орнаменты, обозначающие небесные светила, распространены в вышивке разных народов, особенно Волго-Уральской зоны. Это симметрия орнаментальная и соответственно вторичная по отношению к концептуальному числоположению. К тому же она играет роль оберега, сходную с грузинским *нацили* (об этом ниже).

Зато отметим огромную значимость *семёрки* в мифологии финно-угорских народов. Так, у хантов и манси ритуальная медвежья охота должна была устраиваться не реже, чем раз в семь лет и проходить семь лет подряд⁶. У некоторых народов Сибири считается, что медведь имеет семь слоёв плоти. У селькупов человек имеет семь парциальных душ. У них же небо семичастно. У ненцев священная берёза имеет семь корней. У кетов великий шаман проходит семь этапов становления. Об огромной семантической значимости *семёрки* говорит марийская мифология. Эта значимость связана с медведем. Орнамент вышивки, который называется «медвежьим» (его «ушки», «позвонок» и «след»), каждая вышивальщица у марийцев может за всю свою жизнь поместить только на семи своих изделиях. Кстати, марийские лапти плетутся из семи лык.

Устойчивость числа семь для финно-угорской мифологии поразительна. Так, венгры, почти растратившие в Европе свою исходную сибирскую мифологию, ещё не так давно считали, что на семи ветвях Мирового древа развешено по Богородице⁷. Значимость семерки пронизывает атрибутику сибирского шаманизма (7 копыльев шаманских нарт и т. п.) и происхождением, возможно, обязана влиянию южных древних цивилизаций.

Шестёрку мы находим снова в Западной Сибири – у манси и хантов. У последних бог создал шестиногого космического лося, явно неудачное творение. Младший сын бога погнался за ним и отрубил две ноги. У манси за шестиногим лосем гнался герой Мось-Хум. Примечательно, что младший сын бога шкуру лося прикре-

пил к небу и предрёк, что «при появлении белых кукол, чёрных кукол (то есть людей) эта шкура будет обозначать зарю»⁸. В литературе отмечено бытование у хантов до XX в. шестигранных брусков-календарей с насечками дней месяца на ребрах⁹.

Внимание! Снятие шкуры со зверя оказывается освобождением света. То же будет происходить и с медвежьей шкурой.

Следующее число по убыванию – *пятёрка*. Это число ночей ритуального праздника у манси в честь добычи медведя-самца. В случае добычи медведицы праздник длится четыре ночи¹⁰.

Относительно *тройки* здесь в первую очередь надо сказать о трёхчастном делении Вселенной, свойственном, пожалуй, большинству народов мира, хотя селькупская Вселенная состоит из семи слоёв. У древних египтян, сильно зависевших от водной стихии, вода изображалась тремя волнистыми линиями. Саха (якутская) мифология говорит о трёх космических лосях, которые гонятся друг за другом. Женщина-якутка рождает на корточках, держась обязательно за три кольшка, вбитых в землю. В Китае иероглиф «дерево» состоит именно из 3 элементов. Это идет от идеи Мирового древа, вершина которого расположена в небе, корни под землей, а ствол в здешнем мире. Новорожденный, таким образом, приобщается к этой вертикальной оси.

У манси, когда они несут с охоты убитого медведя, об этом общаются в селение тремя выстрелами. Если лось, то одним.

Число два очень прагматично. У эвенов зажигают перед летним солнцестоянием два костра, которые обходят люди и олени для обретения новой жизненной силы от солнца. Один костёр – старое солнце, другой – новое. Праздник длится с 21-го по 24-ое июня. Люди и скот очищаются огнём и пахучими растениями (рододендроном и багульником)¹¹.

Но *двойка* – уже последний предел, который поддерживает равноправный союз мужчины и женщины. Так, бродячие бушмены зажигают на стоянке два костра: для мужчины и женщины. Само по себе число считается женским.

Большая часть мужского населения человечества, кажется, совсем сдалась, сведя огонь к *единице* и передав его хранение в руки женщины. Огонь как единица с мужской коннотацией остался в мифах (у русских, например, о летающих к вдовушкам огненных змеях).

Что же в итоге у нас получилось? Целокупному мирозданию свойственно наибольшее число из возможной десятки – это *девятка*. В упомянутых обрядах и в быту по мере соприкосновения с чисто человеческими делами постепенно это число уменьшается и в конце концов доходит до единицы.

Подтверждается наш вывод, «что женщина, призывающая мужчину для брачного союза, обозначает его символически единицей»¹². Кто он такой? Апокалиптический избранник среди многих? Или единственный и неповторимый? Это неясно. Но дело в том, что женщина в этой генеративной нумерологии саму себя сводит к нулю. Стратегия её поведения – маркировать мужчину, всячески его обозначить, получить необходимые блага культуры, но самой остаться неузнанной, загадочной, укрытой даже в звериную шкуру, этим зверем, вроде медведя, ритуально представляемую.

3. Специализация среды с помощью шкуры зверя

Термином «специализация» Анри Бергсон назвал опространствование времени и помехой для чистой длительности. Наше антропологическое понимание шире этого. Оно относится прежде всего к образному освоению нехозяйственного времени. И весь интерес здесь как раз в структурировании времени и в фрагментарности пространства. Эти процедуры онтологизируют среду таежных охотников. Но логических операций оказалось явно недостаточно, чтобы освоить среду, где водятся опасные звери. На примере с медведем видно, как общества сублимируют страх в мистериальные представления («медвежий праздник») с выходом в конце концов к своеобразным, но устойчивым основам общества.

В тех районах, где соседство зверя и человека, на него охотящегося, очень близко, медведь стал чуть ли не живым олицетворением времени. У русских сибиряков говорится, что медведь залегает «с сдвиженья» (Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня – 27 сентября по новому стилю). Просыпается он под Благовещенье (7 апреля). Переворачивается на другой бок в середине зимы¹³.

Итак, шкура небесного животного стала источником света, т. е. самой тонкой и важной субстанцией мира. Это отражается и в поведении. Многие сибирские народы клянутся медведем. Обские угры – на медвежьей лапе или на голове зверя. Одно из ранних сообщений о

бурятах Г.Ф.Миллера касается клятвы именной медвежьей шкурой – при этом её кусали и ели. Для хантов¹⁴ именно шкура убитого медведя является образом их предка, тогда как мясо может идти в пищу.

Откуда такие изыски? От космической посреднической роли медведя, который хтоничен (слышит под землей – у саха, хакасов, алтайцев, спит в берлоге), гиперсексуален («фактов» тут так много, что на них не стоит останавливаться подробно; приведу только удмуртское женское то ли проклятие, то ли заклинание: «Чтобы тебя медведь изнасиловал»).

Надо обратить особое внимание на небесные обстоятельства. Шкура крупного животного выступает средством описания Вселенной. Тем самым Вселенная *специализируется*. Тогда это описание сводится к оперированию доступным плоским предметом.

Аналогичная процедура в других местах делалась со шкурой быка. Ещё у скифов человек, который затевал военный поход, садился на шкуру убитого быка и варил мясо. Те, кто к нему присоединялся, давали тем самым молчаливый знак их участия в походе. О таком же обычае помнили мои информаторы-старики у чеченцев.

Есть несколько мировых сюжетов об основании города с помощью бычьей шкуры, которой, разрезав на узкие ремни, окружили большой участок земли, «специализировали».

Собственно в греческом мифе о Прометее речь идёт тоже о специализации. Ведь Прометей убил пахотного быка. Мясо отдал людям, а кости, прикрытые шкурой, богам.

Медведь, тоже имеющий небесное происхождение, как и бык Прометей, скрывает под своей шкурой мясо для людей. Во многих мифологиях народов Сибири медведь первоначально жил на небе, рядом с Богом. Потом он за недостатки был спущен на землю. У обских угров (хантов и манси) с небесным медведем связано происхождение огня (его принес бурый медведь).

Светящееся, огневое начало шкуры, несомненно, имеет эмпирическое происхождение: оно идет от эпохи металлических доспехов. Неслучайно у саха-якутских богатырей «тело блестящее». Человек в доспехах визуально меняет свой телесный покров. В грузинской мифологии развился сюжет о *нацилиани* (по-грузински буквально «владеющий долей»). Считается, что божество, небо или солнце, даёт избраннику крест или просто пятно, которым метится тело. Это пятно обычно помещается на спине, под лопатка-

ми. Судя по собранному мной фольклору, человек никому не должен показывать своего знака. Сам человек не видит себя с этим знаком. После его кончины за этим знаком охотятся змеи, которые заползают в могилу.

Неожиданный аналог для святящегося пятна нацили мы находим у хакасов, больших почитателей медвежьих мистерий. У них в каждом доме у входа со стороны порога ставили специальный медвежий оберег. Он представлял собой железное или медное кольцо, закрепленное в тальниковой рогулине. К кольцу была привязана правая передняя лапа медведя и шкура гнедой лошади¹⁵. Тальник, имеющий красноватый цвет, у многих народов кладут в могилу – это знак подземного огня. Значит, хакасская рогулина напоминает о подземном уровне мира. А вот кольцо? Это то отверстие, через которое небо и его обитатели видят нас. Оберег, таким образом, распространяется на все мироздание. Сам медведь у хакасов – существо хтонической природы и раскинутого над нами неба. К оберегу, а точнее, к медведю в случаях неблагоприятия обращалась хакасская заклинательница со словами:

«Ты создавался вместе с черной землей...
Ты родился ровень с царским небом...»¹⁶

В подобных обрядах мир вовсе не одомашнен. Он все еще опасен, но упорядочен уже не только космогонически, но в какой-то степени и житейски. У хакасов женщина вообще имеет над медведем особую власть: при встрече со зверем она должна обнажиться – местный медведь весьма стыдлив и сразу убегает.

Знаки на человеческом теле или вообще оно само как источник света – это явная дополнительность к нашей физиологии, но она небесного происхождения. Метателесность. Можно не огорчаться: считается, что счастье бывает у такого человека, который не видит родинку на своем теле.

Благодаря анализу света мы нащупали выход к метателесности: наше тело вовсе не ограничено только соматикой.

4. Костюм и метателесность

Небесная метателесность достигается и менее мистическим способом. В этом достаточно убедиться, посмотрев на марийскую вышивку. В старину, до XX в., **костюм марийской невесты** архаиче-

ского туникообразного покроя она изготовляла сама из конопляной ткани. Разрез делался спереди или чуть справа, на мужской манер. На груди вышивался орнамент тёмно-красной шерстяной ниткой. Более развитый орнамент был у замужних маринок, который назывался чызе-орол (буквально, «сторож грудей»)¹⁷. Вышивка шла также вдоль рукава платья, до самого ворота, образуя как бы эполеты. Археологи показали, что вышитые эполеты восходят к бронзовым пластинам, найденным в средневековых захоронениях женщин в сопровождении оружия. Такие эполеты облегчали ношение меча. Речь идёт о женщинах-воинах, аналогичных амазонкам.

Кавказский материал, собранный в Чечне и Дагестане, научил тому, что мужчина может касаться только правой груди женщины. Левая принадлежит ребёнку. Сдвиг разреза вправо, как у мужчин, облегчал действия правой рукой воительниц у предков народов Поволжья. Замужней рожавшей женщине удобнее центральный разрез туники.

В одежде выступает не только ее функциональность, но и метафизика, мировоззрение, тайны механизмов Вселенной. Выше было упомянуто пятно *нацили* как дар божества. Оно несет благо одному человеку. Но вот какой вывод можно сделать из того, что у мариинцев орнамент вышивался с изнанки и первоначально в нем преобладал красный цвет. Последний несет символику солнца и света. Иначе говоря, орнамент на женской мариинской одежде выносил наружу свет и тепло женского тела.

Тут нам снова надо вернуться к медвежьей шкуре и еще раз показать ее отношение к теплу и свету. По мифам, медведь некогда обитал в небесах – там, где солнце и свет. У обских угров огонь принесен с неба бурным медведем. По мифам ненцев – белым. Очень красноречиво звучит у бурят заклинание медведя, которого обнаружили в берлоге: «Человек-хан, спусти огниво и нож, если здесь его супруга – ножницы»¹⁸. Об отношении шкуры медведя к свету говорит и то, что у хантов ее выносили через окно для помещения в хранилище. Вышивка женского костюма перенимает на себя эти высокие космические коннотации медвежьей шкуры.

Близкие по духу воззрения на мариинский костюм удалось сформулировать А.Н.Павловой в статье, опубликованной в «Вестнике Челябинского госуниверситета»¹⁹. Автор демонстрирует огромный трансдуктивно-виртуальный потенциал костюма. «Во время празд-

ника Шорыкйол у мари использовались маски, благодаря которым человек превращался в существо из иного мира, например, становился козой или медведем. Благодаря маске мужчина может превратиться в женщину...»²⁰. «Костюм соединяет индивидуальные черты, присущие его обладателю, с качествами, воплощенными в первообразе бога, духа, героя. Если обладание вещью, принадлежащей другому человеку, может передать часть свойств или позволить воздействовать на хозяина, то костюм, созданный в соответствии с мифологическим первообразом, уподобляет владельца его божественному обладателю. Предполагалось, что прототипом реального костюма мари является костюм небожителей, он имеет сходный покрой и украшения». «Шаманский костюм является непосредственным участником ритуалов; он служит местом обитания духов-помощников шамана. Такой костюм появился в результате порыва к преобразованию телесности в целях максимального приближения к миру духов. Руководитель ритуала лишается личностных особенностей, костюм делает его частью общины, предстоящей во время молений перед богами.

У мари, сохранивших языческие верования до XX века, участвовали в жертвоприношениях и руководили обрядами только мужчины. Таким образом, перед лицом богов был представлен не весь социум; восстановление гармонии требовало присутствия женского начала. В костюме жрецов-картов присутствуют мужская и женская символики»²¹. «Если рассматривать тело жреца или шамана как родовое тело, то костюм должен был содержать признаки обоих полов, мужского и женского. Исторические источники свидетельствуют, что жреческие обязанности выполняли мужчины, сам костюм сохранял черты, присущие мужскому костюму, человек, облаченный в такой костюм, не менял свой пол. Но необходимы были элементы, которые вырывали ли бы человека из повседневности, указывали на сакральность ситуации, т. е. позволяли бы выйти из профанного времени и пространства и сделать шаг в новый мир. Для этого тело должно было претерпеть трансформации, которые в шаманизме предстают как сложная процедура умерщвления и воссоздания уже нового тела шамана духами. У мари даже в эпоху средневековья вряд ли можно говорить о существовании шаманизма в чистом виде, но, вероятно, представления о какой-то иной сути тела жреца в момент совер-

шения священных действий существовали, что и отражал костюм. Это иное тело, материализованное костюмом, оставаясь мужским, включало в себя и женское начало, как необходимое для достижения вселенской гармонии»²².

А.Н.Павлова обращает также внимание ещё на один любопытный ритуал. Речь идёт о свадебном наряде женщины, который она хранила всю жизнь и который использовался в качестве её поминальной одежды. Примечательно, что эту одежду могла одеть «заместительница покойной». «Данный обряд свидетельствует о характерном для мари отождествлении человека с его костюмом: достать, надеть одежду другого человека, чтобы перевоплотиться в него, изменить свою сущность»²³.

Автор справедливо отмечает, что «манifestируя изменения, происходящие с человеческим телом, в процессе брачных церемоний, раскрывая интимные стороны жизни людей, костюм подвергает своего обладателя и определённой угрозе. Поэтому одновременно свадебный костюм содержит систему защиты в виде различного рода оберегов, которые использовались мари на протяжении длительного времени. К таким оберегам можно отнести соль и иголки, булавки и другие колющие предметы, которые втыкали в одежду молодоженов и даже в упряжь лошадей в надежде защитить участников церемонии от сглаза. Полный комплект украшений у женщины – это тоже система защиты, не случайно от молодой жены требовали носить их до рождения первого ребёнка». «Все эти изменения отражает костюм невесты и молодухи: её тело должно приобрести новые качества, поэтому необходим целый комплект украшений, которые позволят пройти этот путь и обрести новое тело. Украшения заполняли все важнейшие зоны микрокосма человеческого тела, одновременно благотворно влияя и на саму носительницу, и на весь коллектив. Обилие шумящих украшений должно было не только защищать женщину, её будущего ребёнка или предупреждать о её появлении, но и создавало некую ауру, недоступную для злых духов, боявшихся звона металла, всюду, где она появлялась».

Отметим небольшую, но примечательную деталь из работы Павловой, касающуюся метателесности: ещё в XX в. пожилые маришки надевали высокий головной убор на берестяной основе (шымакш) при головных болях²⁴.

Трудно расстаться с материалом о марийской одежде: она наполнена философией метателесности. Уральские марийцы по поводу своей белоснежной одежды говорят: «Созерцание множества людей в белом угодно Большому Белому Богу»²⁵. А вышитый ромб на груди женской рубахи рассматривается как солнце.

5. Амазонки и Артемида

По античным данным, греки, плывшие в Трою, захватили отряд амазонок. Но те ночью перебили моряков. Корабль прибило к берегам Крыма. Они высадились, захватили лошадей и углубились в земли скифов. От смешения скифов и амазонок пошел народ савроматы. Савроматы оставили захоронения, где были погребены женщины-воины. Эти обычаи сохранились у средневековых народов Поволжья. Память о них цела и по сию пору. Достаточно взглянуть на девушку в шапочке-шлеме такья, которую носят поволжские красавицы.

Ученые старой советской школы продолжают видеть в амазонках отражение умозрительной теории матриархата. Так, известный археолог С.А.Плетнева приводит список таких черт: матриархальные обычаи (очевидно, свобода женщин), материнский счет родства, левират (брачный обычай), единоборство невесты с женихом, обучение девочек военному делу, жреческие функции²⁶. Подобные обычаи, много изучавшиеся мной у народов Кавказа, говорят только о женских инициациях и о женском союзе, механизм которого так хорошо не известен, как устройство мужского союза, ведущего в конце концов к образованию государства.

Р.Плиев недавно в плане амазонской темы рассмотрел обычай у ингушей ритуализованного ухаживания *зохалол* и тайные собрания женщин в старину на горе Сесарий цей. Там женщины в голом виде танцевали вокруг фаллообразного камня, испрашивая детей. Таких обычаев, сводящихся к обрядам плодородия, масса в разных концах мира²⁷. Я тоже исследовал этот обычай, который устраивался в нескольких местах и был руководим мужчиной-жрецом.

Тема об амазонках логически соединяется с античным культом Артемиды. Многое нас привлекает в этой истории. Во-первых, она покровительствовала амазонкам. Во-вторых, она соотнесена с числом два, будучи сестрой-близнецом Аполлона.

В-третьих, она дева-воительница, преданная охоте на зверей, но при случае безжалостно расправляющаяся и с мужчинами. Среди ее жертв Адонис, Октеон, Мелеагр и др. В-четвертых, она покровительствует девочкам. Ее обижало, когда они выходили замуж. Поэтому невесты ей несли свои жертвы (детские игрушки). В Спарте юноши проходили испытания от ее лица, когда в дни празднеств этой богини получали солидную порку ивовыми прутьями. Жрица, державшая в руках статуэтку Артемиды, соответствующим наклоном фигурки давала знать, прекращать ли удары или стоит добавить еще. Надо думать, спартанские женщины не очень горевали по поводу такой процедуры. Вот и наши современницы в поисках юнговского архетипа женской независимости нет-нет, да обращаются к памяти Артемиды. На этот счет есть интересная книга Дж. Ш. Болен «Богиня в каждой женщине». Одна из глав там посвящена Артемиде²⁸.

Два обстоятельства в анализируемом культе привлекают наше особое внимание. То что Артемиды тщательно следила за соблюдением клятв (это в-пятых). Вспомним о сходной роли, которую у охотников сибирской тайги играла шкура медведя, и связанное с именем богини ее прозвище «медвежатница». Кстати, девочки, ее жрицы, носили желтые туники, считавшиеся медвежьими шкурами.

В образе Артемиды нет особенных черт совершенно дикой охотницы. Одна поддержка клятв делает ее носителем социальных устоев общества. Она же выполняет у женщин благородную роль родовспомогательницы (это в-шестых). Поэтому Артемиды – особый носитель цивилизации: она скорее создает для нее условия, прокладывает дорогу, делает дикие места отрефлексируемыми. Короче, она не окультуривает пространство, но готовит его к этому, охотясь. Это архаический способ специализации. Седьмое – это наш самый главный вывод.

Название первой детской рубашечки у разных народов – целая научная проблема. У кочевников Средней Азии она носит имя «собачьей». А вот у абхазов, в краю недалек от угодий Артемиды, она называется «медвежьей». Это намеки на эмбриональную цепь зародышей, где первенствует животное. Абхазы сохранили концепцию, уходящую своими корнями в палеолитические времена. Речь идет об эмбриональной цепочке зародышей, тянущейся из очага;

первым звеном считается животное, поэтому-то до сих пор в колыбель первым кладут котенка или щенка. До них эту инициальную функцию играл обряд с апокалиптическим зверем – медведем.

6. Зверь, мимесис и метателесность

Сейчас нам надо разобраться с мимесисом. Культовое отношение к медведю в народной среде, будь то русская или какая другая, часто в народе объясняется физической схожестью медведя с человеком. Особенно на тело человека медведь похож при снятой шкуре, больше на женщину, чем на мужчину. Можно ли есть его мясо в таком случае? Ханты, как мне объяснял В.М.Кулемзин, выходят из положения следующим способом. В шкуре убитого медведя они видят пришедшего предка, а мясо служит пищевым ресурсом.

Вообще поедание медведя регламентировано строжайшим образом. У хантов мужчины едят переднюю часть туши, женщины – заднюю. Один марийский охотник мне сообщил, что охотники сразу вынимают у убитого медведя сердце и кусочек едят с пригорелым ломтём хлеба. У бурят запрещено есть почки медведя – они слишком похожи на человеческие. Кеты не ели отвар медвежьего мяса, объясняя это гигиеническими причинами: появляется тяжесть при ходьбе. В литературе описан случай, когда медведь у селькупов унёс корову. Зверя убили. Отец рассказчика отказался есть мясо: ведь, по мифу, женой медведя была селькупская женщина²⁹.

Обязательно надо указать на ряд правил этикета. Так, у многих народов мясо медведя положено есть особой палочкой. А у удмуртов кость держат рукавом.

У русских сибиряков мясо медведя не едят: считается сродни человеческому³⁰.

У хакасов своеобразная логика потребления плоти медведя. Легкие и внутренности они не ели совсем. Зато для лечения применяли жир. Беременным женщинам давали медвежью матку, чтобы женщина не мучилась в родах. Этот факт сближается с функцией Артемиды-родовспомогательницы.

В Сибири нередко охотники, убившие медведя, объясняют ему, что сделали это не они, а люди из другого народа. Достоинно внимания, что кое-где на охоте на медведя и при разделке его туши принимают вороньи позы и периодически каркают (селькупы, буряты).

Этот обзор некоторых обычаев, относящихся к медведю, говорит об особой пищевой нише его мяса, об его экзистенциальной исключительности. Это делается с особым ритуалом-плачем. Все общество «горюет» по поводу случившегося. У хантов во время ритуального плача все женщины накрывают голову и лицо платком и грудью припадают к земле³¹. Мужчины в старину закрывали лица берестяными масками.

Перед нами черты мистерии, некоей тайны. Тайна в том, что медведь когда-то был человеком и в наказание Богом превращен в зверя. В Африке по аналогичной причине вообще не едят зайца, ибо считают, что в процессе его превращения из человека не все части его тела прошли метаморфозу.

На мистериальной основе возникли разнообразные мифы о превращении частей туши медведя в полезные вещи. Так, у ряда сибирских народов медведь завещает девушке части своего тела, из которых будут приготовлены бруски (очевидно, для добычи огня. – *Я. Ч.*), точило, камень для растирания красок, сами краски³². Аналогичные мифы можно обнаружить и в других частях света. Так называемый мировой «мотив Хайнувеле», когда живое существо – у индонезийцев это женщина – дает начало полезным вещам.

Медведь тоже культуртрегер, передатчик людям благ ритуальной культуры. У коми медведь научил выращивать хлеб, плавить железо и делать долбленые лодки вместо плотов. Но этого мало. В Сибири важнее всего не его культуртрегерство или его оккультный мимесис, а его метателесность.

Важны части тела медведя, применяемые в виде лекарств. Например, лапой медведя лечили большую грудь женщины, у русских старожилов Сибири то же делали с выменем коровы.

Медведь очень благоволил к женщине. Существует много поверий об их сожительстве. Перешагивание медведем через женщину на Руси гарантировало ей беременность. В этом состояла одна из функций ручных медведей, которых по стране водили жители города Сергач («сергачи»). Отрезанную медвежьей лапой берегли на случай пропажи у женщины грудного молока, ею водили по телу сверху вниз. То же самое делали с коровой, уменьшившей надой. У бурят этим способом лечили опухоль в женской груди³³.

Существует огромное количество произведений фольклора об особенно интимных отношениях медведя с женским полом. Но всего перечисленного вполне достаточно, чтобы усомниться в ведущей роли мимесиса – в некоем внешнем подобии медведя и человека, чтобы объяснить ритуализованное метателесное отношение к зверю.

В нем нужно видеть скорее некий символ еще дикой среды, но уже с опережением используемой во благо человека. Суть специализации в первоначальном, порой рискованном использовании ресурсов новой среды. Могучий обитатель северных лесов, медведь виртуально-герменевтическими методами (через метателесность) привлекается на сторону человека. Его поражает мужчина – охотник, но вся выгода в конце концов упорядоченного бытия служит интересам женщин, их очагу и их потомству. В этом функции медведя и шамана пересекаются, хотя опытные исследователи умеют различать эти функции³⁴.

Достижением науки, обращающейся к сложным ментальностям, надо считать доказательство М.Г.Туровым недостаточности старой теории тотемизма в отношении к медвежьим культам и медвежьим народным празднествам³⁵. Во всех описанных обрядах речь идет прежде всего о структурировании пространства и времени относительно небольшим коллективом, находящимся, скорее всего, в экстремальном окружении.

Вяч. Вс.Иванов в одной из лекций вспоминал эпизод из давнейшей экспедиции на Енисей с целью изучения языка и мифологии кетов. В конце утомительных занятий Иванов предложил кету сказать по-кетски любую фразу, которая придет на ум. Кет изрек: «Никогда не бери жену из своей фратрии». Это не просто святая житейская истина. Жена – человек из другого мира, невероятного. Из еще более невероятного виртуального мира к людям приходит медведь, неся с собой метателесность. Он стал зверем за какие-то грехи. Не все ясно, что с ним делать. Какие куски мяса можно есть, а какие нельзя. И все это надо делать умело и этично. Он объединяет людей, учит их добру. В нем слишком много человеческого. Это могучая сила природы, которая принуждает человека к биоэтике, распространяется на общество и Вселенную. И все эти импульсы из Вселенной, данной конкретным народам в виде таежных лесов, специализуются в институты брака, биоэтики, в эпос и в другие смыслы жизни.

В специализированных медвежьих мистериях много жизненного героизма и риска, изощренной натурфилософии и так необходимым людям развлечений и различий. Это все средства, которые делают из населения района метателесно сплоченные этнические сообщества.

Примечания

- 1 *Чеснов Я.В.* Ночная игра в кости со ставкой на женщину // Ночь. Ритуалы, искусство, развлечение. Глубины темноты / Ред.-сост. Е.В. Дуков. М., 2008.
- 2 *Фролов Б.А.* Первобытная графика Европы. М., 1992. С. 54, 135.
- 3 *Иванов Вяч. Вс.* К антропологии числа: <http://kogni.narod.ru/number.htm>
- 4 *Иванов Вяч. Вс.* Избр. тр. по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 463–465.
- 5 История математики с древнейших времен до XIX столетия / Под ред. А.П. Юшкевича. Т. 1. М., 1970. С. 13.
- 6 *Бурькин А.А.* Мифологические рассказы о медведе у народов Северо-Восточной Азии и Северной Америки: <http://www.zaimka.ru/ethnography/burykin10.shtml>
- 7 *Хелимский Е.А.* Финно-угорский и самодийские народы // Мифы и религии мира / Сост.-ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2004.
- 8 *Варламова Е.* Мифы о животных (птицах) в хантыйской и мансийской мифологиях: <http://www.deputatandreev.ru/content/print.php?id==711>
- 9 *Оборотова Е.* Коми-зыряне Зауралья // Северные просторы. 1991. № 46. С. 24–25.
- 10 *Чернецов В.Н.* См.: Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 195.
- 11 *Алексеев А.* Он есть начало и конец всего. Культ огня у эвенов: <http://ilin-ya-kutsk.narod.ru/2003-34/77/htm>
- 12 *Чеснов Я.В.* Указ. соч. С. 122.
- 13 Культ медведя в верованиях крестьян Сибири // www.volgota.com/lib/medved.html
- 14 Устное сообщение В.М. Кулемзина.
- 15 *Бутанаев В.Я.* Медведь по воззрениям хакасов: <http://www.volgota.com/lib/2006-04-29-1.html>
- 16 Там же.
- 17 *Соловьёва Г.М.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982. С. 13, 19.
- 18 Образ медведя в фольклоре: [revolution: allbest.ru/00041783_0/html-Ж](http://revolution.allbest.ru/00041783_0/html-Ж)
- 19 *Павлова А.Н.* Семантика марийского обрядового костюма // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2009. № 18(156). Философия. Социология. Культурология. Вып. 12. С. 71–76.
- 20 Там же. С. 70.
- 21 Там же. С. 72.
- 22 Там же.

-
- 23 Павлова А.Н. Семантика марийского обрядового костюма. С. 72.
- 24 Там же. С. 76.
- 25 Бобринин А. Традиционный костюм уральских марийцев: http://www.uralfolk.ru/publ_articles.php&p=20
- 26 Плетнева С.А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 529–537.
- 27 Плиев Р. Амазонки Кавказа: www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID...
- 28 Болен Дж. Ш. Богиня в каждой женщине. Гл. 4. Артемида: www.chtivo.ru/chtivo=32bkid=1256043htm
- 29 Ким А.А. Реликты культа медведя у селькупов: <http://sati.frchaeology/nsc.ru/Home/pub/Data/?html=dear3.9htm&=550?>
- 30 Попов А.М., Виноградов Г.С. Медведь в верованиях старожилого русского населения // Сов. этнография. 1936. № 3. С. 78–79.
- 31 Шаранов В.Э. Материалы по поминальной обрядности у современных шурыканских хантов. СПб., 2004. С. 170–173.
- 32 Варламов А.Н. Образ медведя-предка в фольклорном мировоззрении эвенков: ftp://lib/herzen/varlamov_115_178_184/pdf
- 33 Бадмаев А.А. Реликты культа медведя в культуре бурят: http://www.baikal_center.ru/books/element/php&ID=2579
- 34 Кулемзин В.М. Культ медведя и шаманизм у обских угров: www.sati.archaeology.nsc.ru/.../Data/
- 35 Туров М.Г. Культ медведя в фольклоре и обрядовой практике эвенков: <http://www/sati/archaeology/nsc.ru/sibirica/Data/?html=bear%203.2htm&id=550>